

Камиль Зиганшин

ОТ АЛЯСКИ ДО ЭКВАДОРА

ПО СЛЕДАМ ЭКСПЕДИЦИИ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА
«ОГНЕННЫЙ ПОЯС ЗЕМЛИ»

Камиль Фарухшинович Зиганшин

От Аляски до Эквадора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68853744

SelfPub; 2023

Аннотация

В книге рассказывается о первых двух этапах кругосветной экспедиции «Огненный пояс Земли» протяжённостью 65 тыс. км , организованной Русским географическим обществом с целью изучения состояния вулканов опоясывающих побережье Тихого океана. Её первопричиной стал рост вулканической активности и реальная возможность извержения супервулканов – самой разрушительной силы на нашей планете. Взрыв супервулкана (именно взрыв, а не извержение) влечёт за собой катастрофические изменения условий жизни на всей планете.

Содержание

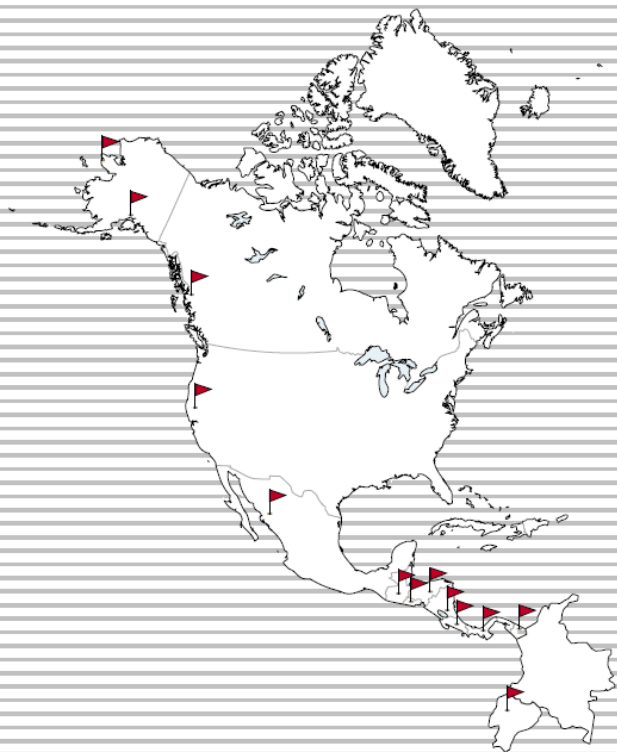
«Москва → Анкоридж[1]»	12
1. Аляска – не Америка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Камиль Зиганшин

От Аляски до Эквадора

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

*это словосочетание обладает магической силой.
Люди всегда с большим уважением относились
и относятся к тем, кто совершал подобные
путешествия. Но, спрашивая себя: «А смог бы я
пройти кругосветку?» – практически все отвечают:
«Нет! Это невозможно!»*

Кому-то не хватает здоровья, кто-то боится потерять семью или работу, у кого-то не хватает средств. То есть главная причина – в наших страхах. Только освободившись от них и дав волю своему воображению, мы делаем первый шаг к тому, чтобы позволить себе мечтать. А когда мечта завладевает тобой так, что ни о чём ином думать не можешь, то судьба непременно предоставляет шанс. У меня так и получилось. В конце 2010 года узнал, что Русское географическое общество организует кругосветную экспедицию «Огненный пояс Земли». Прошёл собеседование – и был включён в её состав в качестве летописца.

С какой целью Русское географическое общество организовало эту экспедицию?

Первопричиной явился рост вулканической активности и реальная возможность извержения супервулканов. Супервулканы – это самая деструктивная сила на нашей планете. Они имеют огромные размеры и мощь, в десять тысяч раз превосходящую силу извержения обычного вулкана. Взрыв супервулкана (именно взрыв, а не извержение) влечёт за собой катастрофические изменения условий жизни на всей планете.

Последняя подобная катастрофа – извержение вулкана Тоба – случилась на Суматре 75 тысяч лет назад. Миллиарды

кубических метров пепла попали в атмосферу, и солнечные лучи долго не могли пробить его толщу. Произошло длительное глобальное понижение температуры на 19–21 градус. В результате этого в разы сократилась численность животных, а часть видов вообще вымерла. Не меньшие потери понёс и растительный мир.

В отличие от обычных вулканов, имеющих форму конуса, супервулканы представляют собой огромные впадины на земной поверхности, называемые кальдерами. При классическом извержении лава поднимается по жерлу и, заполнив кратер, изливается наружу. В супервулканах же магма заперта в гигантских подземных резервуарах. Скапливаясь в них, она начинает давить на земную кору. Это продолжается в течение сотен тысяч лет. Когда давление достигает критической отметки, происходит взрыв чудовищной силы, в результате которого гибнут целые континенты. Таких спящих «монстров» на Земле несколько.

Один из самых «созревших» находится в Йеллоустонском парке в США. В настоящее время резервуар под его кальдерой заполняется магмой с угрожающей скоростью. Поскольку период между взрывами этого супервулкана находится вилке 600–700 тысяч лет, а последнее извержение произошло 640 тысяч лет назад, Земля живёт в преддверии очередного катаклизма.

Тогда огромное давление, нагнетаемое в течение столь длительного периода, прорвёт земную оболочку, и магма бу-

дет выброшена в атмосферу на высоту около пятидесяти километров. В радиусе тысячи километров вся жизнь погибнет в течение нескольких часов. Но не надо думать, что пострадает только Северная Америка. Если температура понизится на расчётные 19–21 градус, в обоих полушариях лёд покроет обширные территории и они станут непригодны для жизни.

Идея обследования вулканов тихоокеанского пояса – самых беспокойных на нашей планете – была выдвинута краснодарским геоморфологом, опытным путешественником, чемпионом России по спортивному туризму Константином Мержоевым. Ему и выделили грант для выполнения программы, рассчитанной на 900 дней. Она предусматривала обследование семидесяти вулканов, разбросанных по восточному побережью Тихого океана. Протяжённость маршрута – 70 тысяч километров.

Среди основных задач экспедиции следует выделить три

1. Научная – получить одномоментный срез состояния вулканов тихоокеанского пояса, оценить степень их активности.

2. Спортивная – совершить первое в истории непрерывное кругосветное путешествие «поперёк» Земли, то есть не по параллели, а по меридиану, используя самые разные средства передвижения: снегоход с санями, лыжи, автомобиль,

велосипед, катамаран и... свои ноги.

3. Медицинская – наблюдение за изменениями физического и психического состояния малочисленной группы людей при длительных нагрузках.

Представлю членов нашей некурящей и практически непьющей группы. О предводителе и идейном вдохновителе, сокрушающем своей энергией все преграды, **Константине Мержоеве** (44 года) я уже упоминал, теперь коротко об остальных.

Рачительный завхоз и обаятельный балагур с лидерскими задатками

Алексей Казаченко [25 лет]

Не знающий ни минуты отдыха хронометрист, красавец, обладатель лучезарной, располагающей с первого взгляда улыбки

Николай Коваленко [25 лет]

Толковый специалист в области медицины

Андрей Колодкин [25 лет]

Похожий на былинного богатыря заведующий

снаряжением —

Илья Семёнов [24 года]

И единственный очкарик пенсионного возраста

с писательскими наклонностями — **автор этих строк**

«Москва → Анкоридж¹» 20 часов в воздухе!

Три месяца предстартовых хлопот пролетели как одна неделя. 19 февраля мы вылетели из Москвы на Аляску², в город Анкоридж, откуда отправимся на снегоходах к мысу Принца Уэльского – исходной точке кругосветки.

В солнечной, по-южному тёплой Атлантике приземлились с опережением на 1 час 10 минут. Этот подарок оказался весьма кстати: из-за наплыва пассажиров паспортный кон-

¹ Американцы произносят – Энкридж, но мне русская транскрипция кажется мелодичней.

² Аляска в переводе с алеутского языка – «Китовое изобилие».

троль, таможенный досмотр и проход металлодетекторов заняли довольно много времени. Прилети мы по расписанию – вряд ли успели бы на свой рейс в Солт-Лейк-Сити.

А этот город встретил дождём, пронизывающим ветром и отсветами кровавого заката. Зато Анкоридж – конечная точка перелётов – порадовал звёздным небом и привычным двадцатиградусным морозом, согретым теплом дружеских объятий соотечественников – Виктора Семёнова и Василия Данилюка. Они помогли загрузить багаж в машину и повезли сквозь чернильную тьму безлунной ночи в гостиницу.

В общей сложности в пути мы пробыли ровно сутки. Из них 20 часов в воздухе! Прыжок через двенадцать часовых поясов завершён! Перед сном я долго изучал сквозь трёхслойное оконное стекло непривычную карту созвездий, а отыскав любимую Большую Медведицу с высоко задранной ручкой ковша, успокоился и... присоединился к храпящему рядом Илье.

1. Аляска – не Америка

Аляска – самый крупный штат США,
площадь 1519 тыс. кв. км,
население – 700 тыс. человек

АНКОРИДЖ – НЕОФИЦИАЛЬНАЯ СТОЛИЦА АЛЯСКИ

С утра отправились в турне по магазинам: закупать прови-

ант, снегоходы и недостающее снаряжение. Анкоридж представлял собой одно- и двухэтажный блин, широко размазанный по пойме (долине) реки Матануска, с несколькими торчащими «небоскрёбами» из стекла и бетона посередке. Город с трёх сторон подпирают пилообразные отроги гор, а с четвёртой (с запада) ограничивает залив Кука. Численность населения – 300 тысяч человек, но пешеходов на улицах почти нет – все на колёсах. Как правило, на грузопассажирских внедорожниках «форд», «шевроле», «тойота» немислимых размеров и с полуметровым дорожным просветом. На некоторых установлены подвесные ножи для очистки пути от снега. Получается вездеход в квадрате! Легковых машин средней величины мало, а малогабаритные – вообще в диковинку. Не любят их американцы.

Почти все автомобили с GPS-навигаторами: водитель набирает адрес и рулит, следуя голосовым подсказкам – «две мили прямо, через 200 футов направо...». Некоторые настолько привыкли к ним, что без навигатора плутают даже в своём районе. Цена на бензин повыше нашей: 3,6–4 доллара за галлон (галлон – 3,8 литра).

Половина улиц с односторонним движением. В этом, помимо плюсов, немало и минусов – для того чтобы заехать, к примеру, в соседний двор, водитель вынужден делать причудливый крюк. В итоге число машин на улицах как бы удваивается. Дороги и тротуары, несмотря на обилие снега, чисто выскоблены. Ходить и ездить по ним одно удовольствие.

Удивило то, что для пешеходов зелёный свет горит всего 6–8 секунд. Но, надо отдать должное водителям, ни один из них не тронется, пока пешеход не освободит проезд.

Что ещё бросилось в глаза? Люди, невзирая на мороз, одеваются довольно легкомысленно: трикотажная курточка, непокрытая голова. Одна крупногабаритная тётя прошествовала мимо нас в тоненькой кофточке, в короткой юбке и в штиблетах на босу ногу. Нос посинел, а она улыбается – ей хорошо. Наша команда, облачённая в пуховики, рассчитанные на пятидесятиградусный мороз, вызывала у местных снисходительные улыбки.

Застройка улиц смешанная: стиль кантри соседствует с городской архитектурой. Старых зданий мало – в 1964 году город был до основания разрушен Великим Аляскинским землетрясением с магнитудой в 9,2 балла! Деревьев много, правда совсем молодых, – похоже, что озеленением занялись недавно. На улицах и в скверах – вырезанные из стволов деревьев фигуры индейцев, птиц, зверей. Глухие стены домов отданы под красочные картины профессиональных художников. Практически во всех холлах гостиниц, торговых центрах гостей встречают необычные швейцары – чучела гриззли. Один из них (с острова Кадьяк) был высотой не менее трёх метров – на такого с рогатиной не пойдёшь! Виктор Семёнов утверждал, что на Аляске медведи весом в полтонны не редкость. (Наши камчатские не меньше.)

Фойе украшены рогами сохатых. Тоже, кстати, внуши-

тельных размеров. В толще иных «лопат» искусно вырезаны объёмные сюжеты из жизни аборигенов, горно-таёжные пейзажи. В магазинах изобилие экзотических сувениров из меха и клыков морских животных, сделанных руками алеутских и эскимосских мастеров.

Аптек почти нет. Видел всего одну. Ассортимент медикаментов скудный, а цены заоблачные – на порядок выше наших. Так что болеть в Америке накладно.

Пешеходы, как правило, здороваются. Даже когда идёшь мимо офиса, в окно обязательно помашут рукой. Большинство женщин курит. Бросается в глаза то, что все они широко и густо подводят глаза чёрной тушью.

Русских довольно много. Жизнь у них складывается по-разному. Кто-то вписался в американскую систему и счастлив. Кто-то только и думает, как бы поднакопить денег и вернуться на родину.

Порт в Анкоридже занимает громадную территорию. Разделённые проездами площадки заставлены тысячами ярко окрашенных контейнеров. Мимо них то и дело проползают длиннющие эшелоны с сырой нефтью. Тянут их от побережья Северного Ледовитого океана, сотрясая окрестности чудовищными гудками, сразу четыре жёлтых локомотива: иначе им не одолеть многочисленные горные перевалы.

С закупкой съестных припасов возникли неожиданные сложности – нужных натуральных продуктов (тушёнки, сухарей, круп и т. п.) в магазинах не было. Всё какие-то суррогаты в красивой упаковке. (Привезти с собой провиант мы не могли – на американской таможне всё съестное конфисковывают.) Неприятно удивил хлеб – он тут вообще никакой: ни запаха, ни вкуса. Жуёшь какую-то пресную, вязкую, по вкусу похожую на бумагу массу.

23 февраля перед утренней пробежкой Костя поздравил нас с Днём Советской армии и Военно-морского флота. По этому случаю распили четверть яблочного сока (кстати, это один из немногих американских продуктов, не вызвавший нареканий). Наш ежедневный тренировочный маршрут охватывал периметр порта с выходом на смотровую площад-

ку возле устья реки Матануска. Поскольку уровень воды в заливе за зиму упал метра на два, припай вдоль берега обвалился, образовав непроходимые, смёрзшиеся торосы. Мимо них с шорохом ползли бесконечной лентой льдины. Стало понятно, отчего у причалов нет судов – залив плотно забит этим подвижным массивом. Открытые окна воды просматривались лишь на выходе из залива Кука, километрах в пяти от порта. Проплывающий лёд довольно грязный. Видимо, из-за городских стоков.

На севере проступала нечёткая громада Аляскинского хребта. Перед ним тянулись кряжи пониже. Их заснеженные пики, тронутые первыми лучами солнца, на глазах разгорались нежным пурпуром...

Уже третий день рыщем вместе с опекающими нас соотечественниками по городу и его окрестностям в поисках снегоходов. Казалось бы, что может быть проще покупки снегохода в замороженной Аляске?! Нам все карты спутили международные ежегодные гонки «Айдитарод Трэйл» на снегоходах и упряжках, стартующие недели через две из окрестностей Анкориджа до городка Ном, что на берегу Берингова пролива (протяжённость трассы 1868 км). Из-за них вся техника бронирована, а если продаётся, то по космическим ценам.

Чем больше общаемся с местными русскими, тем откровенней они становятся в своих высказываниях об американском образе жизни. И к нам постепенно приходит понима-

ние, что не всё тут так радужно, как показалось вначале. Из их слов следовало, что, да, здесь красиво, удобно, но вся система настроена на то, чтобы человек непрерывно вертелся, работал на пределе, лишь только расслабился – она выбрасывает его на обочину. В последние годы многие разорились, особенно те, кто набрал кредиты. А уж если заболел, то это катастрофа для семейного бюджета.

Сегодня Василий Данилюк (немногословный, добрейшей души крепыш лет сорока пяти) пригласил нас на рыбалку. Желание изъявили все, но Костя отпустил только двоих, менее занятых, – меня и нашего доктора Андрея. Через полчаса подъехали к озеру (а их тут не счесть). Сильный ветер с шипением гнал по голому льду вихрастую позёмку. Съехав на изъеденную трещинами стекловидную броню, встали под защитой лесистого островка. Он прекрасно защищал от ветра. Здесь, в тиши, на солнце, Василий, обутый в огромные надувные ботинки из двухслойной резины с войлочными вкладышами (в такой обуви никакой мороз не страшен), за пять минут надырявил механизированным буром в полуметровом льду с десятков лунок. Размотал леску до нужной длины, насадил на каждый крючок по кусочку креветки и опустил в таинственно чернеющий кружок воды. Не успела наживка достичь дна, как Василий подсёк и вытащил серебристую форель. Прикинул – маловата! Отпустил подрастать. И был вознаграждён: пошёл крупняк.

У меня же ни одной поклёвки. Я направился было к другой лунке, как из-за острова вырулил громадный полицейский джип. Из него вышел одетый в бронежилет, обвешанный наручниками, рацией, фонарями и оружием бритоголовый верзила. Просветив нас пронзительным взглядом, он решительно направился ко мне и потребовал паспорт. Изучив его, тоном, не терпящим возражений, объявил:

– Вам рыбачить нельзя!

И, пробубнив на ходу ещё что-то, уехал. (К стоявшему с фотоаппаратом Андрею он даже не подошёл.) Василий перевёл: «Рыбачить на Аляске имеет право только тот, кто прожил здесь не меньше года». Нельзя так нельзя. С полчаса мы с азартом наблюдали, как Василий таскал рыбу. Горка на льду быстро росла. Я не устоял, решил проверить, есть ли наживка на моей удочке. Вытянул леску – крючок голый. Насадив новый аппетитный кусочек креветки, бросил обратно. И в тот же миг окрестности сотряс рёв сирены. Обернулись – из леса прямо на нас прыгнул на лёд, весь в клубках снега, знакомый джип. Он весь в переливистом сиянии красных и синих огней: не машина, а новогодняя ёлка. Подлетев ко мне, джип встал как вкопанный. Дверь распахнулась, и из кабины выскочил взбешённый блюститель порядка.

– Вы нарушили! Паспорт! – прокричал он с таким торжествующим видом, что можно было подумать, будто в этот момент им предотвращено самое страшное в истории Америки преступление.

Получив паспорт, он сел в машину и надолго склонился над ноутбуком. Стою, терпеливо жду. Наконец стекло слегка опускается, «голова» спрашивает мой рост, вес и начинает заполнять бумаги. Я хотел подойти и попытаться разжалобить его покаянным видом, но, как только сделал шаг, бритоголовый рявкнул: «Стоять!» В итоге – штраф 200 долларов! Я ужасно расстроился – это же приличные, особенно когда в дороге (да ещё за границей), деньги, и про себя сразу

решил: платить не буду. Василий, зная привычный ход мыслей среднестатистического россиянина, предупредил:

– Камиль, служака, похоже, вредный. Обязательно контролирует оплату – они получают процент от штрафа. Если увидит, что деньги не поступили, объявит в розыск. Тогда на границе могут надеть наручники и отправить в тюрьму за неподчинение властям.

Никогда не хотел в Штаты, а теперь и подавно – отбили охоту на всю жизнь! И дело не в штрафе (факт нарушения налицо), а в неадекватной агрессивности упивающегося безграничной властью полицейского. Надо же! Полчаса высматривал в бинокль: рыбачит, не рыбачит. Неужели ему больше нечем заняться? Да уж! Что-то неуютно русскому в Америке! Даже на Аляске нет воли.

В один из дней после обеда нас пригласили на богослужение в местную церковь. Отец Сергей встретил необычайно крепким для его тщедушного сложения рукопожатием. Неприятный, я бы даже сказал, отталкивающий облик священника (плешиная голова, острый нос, маленькие глазки) не располагал, но во время проповеди он до такой степени восхитил меня, что я перестал обращать внимание на его внешность. Всего в церкви собралось человек сорок. Простые, понятные слова отца Сергея глубоко проникали в их сердца. Всеяли в них благодать и счастье. Приятно было наблюдать, как прямо на глазах светлели, преображались лица прихожан.

В песнопении небольшого хора звучала такая любовь к Богу, что я и сам невольно воспарил душой. По завершении службы отец Сергей представил нашу команду и попросил Костю рассказать прихожанам о маршруте экспедиции, её целях.

От услышанного люди пришли в изумление. «Как вы решились на такое?!» – восклицали одни. «На вулканах столько опасностей!» – предупреждали другие. После чего, все принялись дружно молиться за успех нашей небывалой затеи. Затем спустились в нижний зал – трапезную, где угостились приготовленной самим батюшкой картошкой, тушённой с мясом карибу.

Мне, как россиянину, очень хотелось понять, кто в Америке успешнее в бизнесе: русские или американцы? И я спросил об этом у отца Сергия.

– Бесспорно, русские. Мы ведь привыкли к трудностям и чураемся кредитов. Заработанное стараемся в дело вкладывать, а не проматывать на Гавайях. Разные, конечно, есть люди, но в основном – наши молодцы.

Тут нужно добавить, что на Аляске большинство русских верующие и практически никто не пьёт. Интересно, что и алеуты, и эскимосы в большинстве православные. Этому в немалой степени способствовало то, что пришедшие сюда с промышленниками русские монахи уже в конце 18 века перевели Библию и Евангелие на их языки, разработав для этого и соответствующую азбуку (до прихода русских у абори-

генов не было письменности). И до сих пор в обиходе коренного населения немало русских слов (собака, платок, зелье, срам...). Индейцы же по-прежнему крепко держатся своих обычаев и верований.

Встали, как всегда, в 6 часов. Перед завтраком вместо традиционной пробежки Костя дал команду испытать в реальных условиях купленные вчера две трёхместные палатки. Одевшись потеплее, вышли во двор отеля. Расчистили при свете налобных фонариков от снега площадку и развернули ярко-оранжевые полусферы. Потом набились в одну из них и, рассевшись по периметру, стали оживлённо обсуждать достоинства и недостатки наших будущих жилищ, вспоминая смешные случаи из походной жизни. Особенно много их хранилось в памяти командора. При этом он так артистично всё изображал, что мы то и дело покатывались от хохота. В самый разгар очередного представления снаружи на нас посыпались гневные тирады. Несмотря на скудость познаний в английском, мы поняли: требуют освободить принадлежащую отелю территорию от палаток. В случае неподчинения обещают вызвать полицию. Чтобы не испытывать судьбу, стали поочерёдно выползать наружу. Сотрудники отеля, увидев знакомые пуховики, залепленные красочными эмблемами Русского географического общества и экспедиции «Огненный пояс Земли», о которой в Анкоридже уже знал каждый второй, сначала смутились, а потом рассмеялись и... стали просить разрешения сфотографироваться с нами на

фоне палаток.

АЛЯСКА – НЕ АМЕРИКА

Гип-гип-ура! Наконец нашли два подходящих, способных выдержать многокилометровую гонку через горы и заваленную снегом тайгу, снегохода мощностью по 150 л. с. Они хоть и бывшие в употреблении, но заводятся и тянут как новые. Завтра установим на санях дышла, полозья, прикрепим к снегоходам фаркопы, погрузимся, и после обеда в путь! Настроение сразу изменилось. Охваченные предстартовым возбуждением, все повеселели. Так происходит всякий раз, когда собираешься в незнакомые места, а сейчас особенно, потому как край этот – волнующая воображение россиянина Аляска. Да, чуть не забыл: утром Анкоридж очередной раз тряхануло. Да так, что стёкла задребезжали. Огненный пояс не дремлет!

Ужинали у Виктора. Он живёт почти в центре Василлы, городка, расположенного в 75 километрах от Анкориджа. Это имя он получил в память о благочинном попе Василии, служившем в этих местах в 19 веке.

Василла – необычное поселение. Прежде ничего подобного я не видел. Представьте обширную (километров двадцать в диаметре) котловину, покрытую девственной тайгой. Среди деревьев и бродящих тут и там сохатых выглядывают дома, стоящие друг от друга на расстоянии 100–200 метров.

Фасадами все они смотрят на лесные дороги, которые имену-ются улицами. Лишь в центре здания стоят достаточно плот-но, и Василла становится похожа на город в привычном по-нимании этого слова. При численности населения 20 тысяч в городке двадцать футбольных полей, три открытые хоккей-ные площадки, два закрытых и два открытых бассейна.

Оказывается, Аляска – единственный штат, где во время кризиса 2008 года экономика не только не снизила оборо-ты, а, напротив, стала расти. Показательно, что во Флориде стоимость домов упала в пять раз, на Гавайских островах в три, а на Аляске, наоборот, даже чуть поднялась. Одна из причин этого явления: каждый, кто живёт здесь (включая де-тей), ежегодно получает северную надбавку (они её называ-ют – «дивиденды») в размере от 1300 до 3300 долларов (в зависимости от экономических показателей штата). Так, на-пример, семья Виктора в прошлом году получила 26400 дол-ларов. А коренные жители получают ещё и солидную ренту от нефтяников. (Под твёрдой, как камень, вечной мерзлотой сосредоточены главные богатства Аляски – огромные запасы нефти.)

Оля, жена Виктора, щедрая, открытая женщина из многодетной, в 18 человек (!), семьи, весь вечер потчевала нас русскими блюдами: наваристыми щами, пельменями, картошкой, солёными помидорами, селёдкой, а также пирогами и – вместо привычной для нас водки – напитком из брусники с добавлением клюквы, калины. Хозяева интересовались обстановкой в России, последними новостями. Услышать их из уст краснодарцев им было приятно вдвойне – Виктор сам родом из этого края. Нас же интересовало, чем живут люди на Аляске, почему из тёплого штата Вашингтон он со всей семьёй, а у него шестеро детей (у Василия Данилюка ещё больше – семеро), переехал на край

света.

Каждый, кто прожил на Аляске более года, может приобрести лицензию на отстрел одного лося и двух карибу. В ней указано, где и в какие сроки можно охотиться. Кроме того, даётся разрешение (пермит) на ловлю красной рыбы (здесь её называют сэлман, кинг-сэлман, сэлман-рэд, сэлман-силвер) – 15 голов на главу семейства и по 10 на каждого члена семьи. Ловить разрешается только в определённых реках. Эта норма действует для одной речки. Столько же можно добыть ещё на двух других, открытых для промысла. Стоит этот годовой пермит 200 долларов. Мойву же разрешается ловить без ограничения. Так создаются условия для притока населения в этот богатый, но по-прежнему малолюдный край.

Нарушения правил охоты редки – штрафы и сроки за незаконный отстрел или отлов таковы, что на всю жизнь отбивают желание браконьерить. К примеру, за лося год тюрьмы гарантирован.

Для эскимосов, алеутов и индейцев промысловые нормы ещё выше. Белые американцы как бы искупают свою вину за уничтожение большей части коренного населения при захвате самых лучших земель в период колонизации. В этом «деле» их английские предки были ненасытны и чрезвычайно жестоки (кроме банального отстрела прибегали даже к умышленному заражению оспой).

Недаром, когда прославленный вождь индейцев Сидящий

Бык, выступая в сенате США, заявил: «Белые люди не выполнили ни одного договора, заключённого с индейцами», никто не смог его опровергнуть.

До сих пор бытует представление, что скальпы – это изображение индейцев. На самом деле обычай скальпирования привезли в Америку как раз европейские переселенцы. Английское правительство даже платило за каждый скальп индейца в 18 веке по 100 фунтов стерлингов! А за скальп вождя племени 200 фунтов стерлингов – немалые деньги даже в наше время.

Рассказывая об этом, Виктор посетовал, что нефтяники, дабы сократить расходы на выплату ренты (часть земель ещё принадлежит индейцам племён тлинкитов, атабаски и хайда), потихоньку спаивают их.

На Аляске любой взрослый может, как и во времена колонизации, разгуливать по улицам с кольтом или револьвером на бедре (мы, правда, таких не видели). Не разрешается заходить с оружием только в общественные учреждения. Василий Данилюк как-то открыл свой оружейный сейф – так там оказался целый арсенал нарезных карабинов, пистолетов и боеприпасов к ним.

Для нас было неожиданностью узнать, что американцы очень ревниво относятся к успехам коллег, особенно к успехам подчинённых. Если работник приехал на работу на более дорогой машине, чем у босса, то тот на него займёт большой зуб. В случае если босс женщина, то сотруднице

лучше не одеваться богаче её.

Дороги здесь – сказка! Ни одной ямки, ни одного бугорка, хотя случаются и морозы под сорок, и снег лежит 7–8 месяцев. (Вспомните причитания наших дорожников о том, что в России невозможно иметь хорошие автотрассы из-за стужи, вспучивающей асфальт.) Секрет предельно прост – компания, выигравшая подряд на строительство дороги, ремонт в течение гарантийного срока производит за свой счёт. Поэтому выгодней сразу строить с солидным запасом прочности.

Инфляция тоже есть. Так, например, если в 2000 году один галлон бензина стоил 1 доллар, то сейчас около 4 долларов. А вот цены на медицинские услуги просто умопомрачительные. Одни сутки в больнице стоят 3500 долларов в Василле и 5500 в Анкоридже. Кого-то выручает страховка, но не все имеют возможность оплачивать её (в месяц надо платить порядка 400 долларов за взрослого и 200 за ребёнка). Понятия декретных денег вообще не существует, как и самого декретного отпуска – женщина работает до последнего дня, и за роды придётся заплатить 15–16 тысяч долларов! Максимум, на что идёт администрация, – предоставляет роженице недельный неоплачиваемый отпуск. В то же время поражает трогательное внимание к инвалидам и старикам. Вот такие парадоксы!

В Америке высокие налоги на недвижимость. За дом площадью 200 м² он составляет 3400 долларов в год. А вот цены на продукты сопоставимы с нашими. Для

сравнения: 1 кг картошки стоит 0,8 доллара, 1 кг лука – 1 доллар, 1 кг мяса – 7–10 долларов, 1 кг колбасы – от 10 до 20 долларов, хлеб – от 2 до 6 долларов. Газ на отопление квартиры площадью 70 м² обойдётся в 110 долларов в месяц, а затраты на электроэнергию – 80. Один акр земли (0,4 га) под строительство дома стоит 25–30 тысяч долларов. Аренда авто – 40 долларов плюс доплата за пробег (100 миль – 30 долларов).

Американцы с детства приучены к честности, соблюдению установленных правил. Законодательство так устроено, что даже за незначительный проступок можешь угодить за решётку лет на десять. И хотя в тюрьмах условия содержания хорошие, терять свободу никому не хочется. Ещё американцы приучены информировать полицию о любых нарушениях или подозрительных ситуациях. Если, например, к соседу приехали незнакомые люди на крутой машине, то кто-нибудь обязательно запишет номер, сфотографирует и сообщит дежурному. Это у них один из способов борьбы с нарушением законов (в первую очередь с сокрытием доходов). Всё, что говоришь, американцы воспринимают буквально. Если скажете, что мёд вырабатывают из снега, то, скорее всего, вам поверят. В общем, шутить с ними опасно, ибо можете попасть в неловкое положение.

Уровень образования до сих пор, невзирая на все старания наших реформаторов, уступает российскому. Представьте – в нижних штатах многие даже не знают о существовании Аляски. Приехавшие из нашей страны семиклассники по знаниям не уступают одиннадцатиклассникам. (В США 12-летняя средняя школа.) Разница настолько велика, а нравы в американских школах столь низко пали, что часть русских (они на Аляске практически все верующие, и для них распущенность неприемлема) обучают детей сами по специально издаваемым для родителей учебникам. В школу они ходят только для тестирования.

Технический прогресс достигается путём привлечения в страну лучших мозгов из других стран, благо долларов – море. (Печатают их американцы в неограниченном количестве – бумаги не жалко.) Как кто-то верно подметил: технический прогресс США обеспечили русские, а финансовый – евреи. Сами американцы не предприимчивы. Но если человек способный, трудолюбивый, то система позволяет занять достойное место в жизни без участия «волосатой руки».

Живущие здесь наши соотечественники очень переживают, болеют за Россию и радуются каждой позитивной информации с этнической родины. Всего в США проживает около двух миллионов русских. Особенно много их в Нью-Йорке (в основном русские евреи), Калифорнии и Аляске. Тут надо пояснить – русскими американцы называют не только россиян, но и всех, кто приехал из стран бывшего СССР. На Аляске к русским относятся заметно лучше, чем в других штатах (видимо, действует историческая память).

В самом Анкоридже сейчас проживает 10 тысяч россиян. Многие полицейские владеют минимальным словарным запасом для общения с ними. Вообще, интерес к России на Аляске большой. В двух школах даже изучают русский язык. Меня, почитателя старолюбцев, в особенности порадовало то, что в штате здравствует немало староверских общин. Некоторые существуют ещё со времён царствования Екатерины Великой. Большие всего их на островах.

Несмотря на уговоры хозяев остаться и переночевать в тепле, а завтра ещё и попариться в бане у соседа – Василия Бондарева, мы вернулись в отведённую нам Василием Данилюком лёгкую, неотапливаемую постройку. Этой ночью опробуем, наконец, спальники, сшитые по спецзаказу из гусяного пуха. Забегая вперёд, скажу – они нас разочаровали: фирма «BASKO» гарантировала комфортный сон при 50-градусном морозе, а на практике зябли уже при минус двадцати.

Когда развернули пенки и расстелили спальные мешки, Костя объявил, что с этой ночи переходим на походный режим. Это значит, что дежурный встаёт затемно – в 6 часов – и готовит завтрак, в 7 часов общий подъём и завтрак. После него хронометрист Николай Коваленко с помощью портативной метеостанции производит измерения температуры, влажности воздуха, давления, скорости ветра, точки росы и заносит данные в журнал. Андрей Колодкин, наш доктор, тестирует каждого и снимает динамические показатели. Остальные сворачивают лагерь, и в дорогу... пока, правда, по магазинам.

Эта ночёвка мне запомнилась на всю жизнь в связи с одним курьёзом. Под утро, когда мороз особенно силён, я почувствовал, как что-то мягкое щекочет ухо. Пока сквозь дрему соображал, снится это или происходит наяву, кто-то начал покусывать мочку. Тут меня охватил животный страх, я стал спешно освобождать руку, чтобы поймать наглеца, но он, чувствительно швыркнув коготками по коже лица, перепрыгнул на спальник и был таков. По всей видимости, это была мышка: решила погреться, а заодно и перекусить.

ДОЛГОЖДАННЫЙ СТАРТ

Утром под наблюдением трёх лосей, стоящих на краю подступающей прямо к дому Василия Данилюка тайги, загрузили на широкую платформу снегоходы и сани. (Платформу пригнал Василий Бондарев.) Расселись по машинам и поехали к озеру Биг-Лейк. По обочинам ещё несколько раз видели сохатых, флегматично обкусывающих кончики веток. Сказка! Когда мы доживём до такой идиллии?

Съехав на лёд, прицепили к снегоходам сани, загрузили в них снаряжение, провиант, канистры с бензином и помчались по укатанному собачьими упряжками тракту между высоких стен густого, по большей части хвойного леса вглубь замороженной насквозь Аляски. Провожатые махали вслед шапками до тех пор, пока наш караван не скрылся за деревьями. В такие минуты радостное ожидание – что там впереди? – всегда немного омрачает грусть от расставания с людьми, ставшими почти родными.

Не могу удержаться и не выразить восхищение и беско-

нечную благодарность живущим здесь соотечественникам. Все они, бросив дела, целыми днями носились с нами по городу и его окрестностям. Вели переговоры, яростно торговались ради того, чтобы сэкономить наши финансы, а вечерами вели с нами душевные беседы, щедро делились своим опытом. Глубоко верующие, они живут, придерживаясь принципа: «От дел своих человек осудится. От дел своих человек оправдается».

Жёсткий график вынуждал нас уже со старта держать максимальную скорость. Поэтому в санях трясло так, что казалось, ещё немного – и позвоночник рассыплется на части, а голова оторвётся. Особенно сильно било на участках с неровным рельефом. А на крутых виражах требовалось огромное усилие, чтобы не вылететь из саней.

На столообразных возвышенностях с крупнотравным лесом и марях с чахлым и редким ельником тряска ослабевала, зато возрастала скорость, и обжигающий ветер пронизывал насквозь. Пальцы даже в двойных перчатках ломило от стужи. При этом снежной крупки из-под гусениц мобайлов летело столько, что вскоре из заполненных снегом саней торчали лишь наши капюшоны.

Погода по-прежнему балует: ясно, мороз умеренный. А в долине Юкона по утрам, говорят, за тридцать. Снег на марях и южных склонах оплавлен солнцем и блестит, как полированная сталь. Труднообъяснимое для минусовой температуры явление. Возможно, это следствие неожиданных оттепе-

лей, а может, особенностей солнечной радиации в приполярной зоне.

Навстречу попались две собачьи упряжки. В каждой по шесть пар хасок. На лапах «башмачки» из плотной ткани – чтобы собаки не резали лапы о края ломкого наста. Бегут резво, но наши снегоходы раз в пять быстрее. Зато собакам на сутки достаточно одного килограмма рыбы или мяса (всего на упряжку – 10–12 кг). А снегоходы сжирают по 40–50 литров бензина в день, и это не предел. Да и ломается техника. С другой стороны, на снегоходе в день можно пройти до

400 километров, а на упряжке обычно не более 120. Правда, иные рекордсмены умудряются одолеть и 180.

Вскоре вслед за упряжками промчались три «Сканди». Водители на ходу поприветствовали нас поднятыми крагами. Лиц за натянутыми на голову балаклавами и громадными очками не разглядеть.

Через километров пятьдесят над тёмно-зелёной лентой леса проклюнулись заснеженные зубцы, сияющие на солнце девственной белизной. Вырастая на глазах, они превратились во внушительный горный массив, тянущийся с юга на север. После унылой монотонности равнины этот величественный хаос остроглавых пиков произвёл на меня особенно сильное впечатление. Вдали, на севере, проступала сквозь голубую дымку грозная конусовидная громада Мак-Кинли – самая высокая гора континента (6194 м). Дирекция национального парка обещала открыть доступ к ней не ранее третьей декады апреля, возможно, даже в мае, – всё зависит от того, какой будет весна. Обидно. Мы не можем так долго ждать.

Обогнув отрог с юга, останавливаемся на ночёвку у входа в ущелье, по дну которого подо льдом течёт речка Скветна. Засыпанные снегом «саночники» (я в их числе) счастливы: наконец-то можно перевести дух, восстановить утраченный от рёва двигателя слух, от выхлопных газов – обоняние, но главное – дать отдых измученным постоянным напряжением мышцам и разболтавшимся позвонкам. У водителей другая

проблема – никак не могут унять мелкую дрожь в руках.

– Ты что, Илья, кур воровал? – смеётся Лёха, выдавая ему гречку и масло.

– У тебя, похоже, все мозги в саях выбило! Какие куры? – ворчит не понявший шутки Илья.

– Руки трясутся, точно кур воровал, – настаивает Лёха.

– Хватит прикалываться! Кашу давай! – сердится голодный Костя.

«Стол» накрыли под открытым небом. Остывший воздух пощипывал нос. Чёрная бездна мерцала жемчужными зёрнышками звёзд. Ковш Большой Медведицы, опершись дном на вершину горы, подливал чернил в и без того непроглядную тьму. Но лишь только из-за тучки, прижатой к горизонту, выплыл двурогий месяц, всё вокруг преобразилось, ожило.

Моё дежурство. Встал в 6 часов. Чтобы не проспать, ближе к утру каждые 15 минут включал в спальнике фонарик – смотрел время. Надевая куртку, коснулся туго натянутого капронового потолка. Меня тут же окатил поток жгучих кристалликов – от дыхания палатка изнутри покрылась толстым слоем инея. С трудом затолкав ноги в промёрзшие трёхслойные сапоги, вылез на мороз.

После вчерашней тренировки горелку раскочегарил быстро, и к семи часам в затишке между саями аппетитно задымилась овсяная каша. Следом поспело какао. Мёрзлый хлеб отогревал на крышках котелков.

Завтракая, то и дело потираем нос и щёки – сдобренный ветром мороз чувствительно кусается. Упаковав палатки, спальники, кухню, выезжаем ровно в восемь. Наши трудяги снегоходы ведут себя изумительно: заводятся с пол-оборота и тянут как взбесившиеся жеребцы. Это вселяет уверенность, что до Уэйлса доберёмся. Главное, чтобы бензина хватало до посёлков, где можно пополнить запасы топлива. Их, к сожалению, немного: Николай, Офир, Руби, Галина (последние два на Юконе) и Ном на берегу Тихого океана.

Тело после вчерашней тряски болит так, будто меня всю ночь пинали кирзовыми сапогами, но после новых порций «массажа» боль ослабла. Едущий впереди Костя, хоть и старался перед ухабами сбавлять скорость, гнал на пределе, умудряясь при этом не переходить грань, за которой может последовать кульбит и прочие неприятности.

На одном из затяжных тягунов от снегохода Ильи повалил пар – закипел тосол. Сняв крышку, увидели, что пружина термостата перекошена. Пока ремонтировали, мимо проехали два американца. Каждый, притормаживая возле нас, спрашивал, не нужна ли помощь. Традиционная для Севера готовность помочь! В таких безлюдных и суровых краях без неё не выжить.

Снежный покров довольно глубокий (около метра), но по здешним меркам нынешняя зима из числа малоснежных. Искрящаяся на солнце перина продырявлена лунками ночевавших под снегом куропаток, испещрена следами-транше-

ями лосей, оленей, волков, рысей, росомах (последние, благодаря густой меховой опушке на лапах, почти не проваливаются). Но больше всех наследили зайцы. Под поваленными стволами осин пухлявая попона истоптана сплошь. Там их столовые – кормятся горьковатой, сочной корой. Успел разглядеть даже парную соболиную строчку. А я-то считал, что соболь только в России водится.

К ЮКОНУ

Солнце отправляется в свою опочивальню с каждым днём всё позже, а встаёт всё раньше. Следуя его примеру, и мы выехали с небольшим опережением графика – в 7 часов 45 минут. Переваливая через пологие седловины из одной пади в другую, на удивление быстро достигли селения Николай. (Так приятно, что и здесь русский след!) Морозно, ни ветерка. Откуда-то сверху медленно сыплются блёстки. Крыши, стены домов в инее, будто посеребрённые. Дым из труб подпирает небесный свод белыми прямыми столбами.

Чтобы не рисковать, решили подзаправить изрядно опустевшие канистры, но не тут-то было – все в ожидании скорого прохождения гонок на собачьих упряжках и снегоходах. У трассы уже сложены тюки спрессованной соломы (каюры застилают ею снег, чтобы собаки во время отдыха или ночёвки не мёрзли); установлены громадные железные печи для разогрева воды, рядом – поленицы дров.

Еле уговорили поделиться своими запасами местного авторитета – он отлил нам двадцать галлонов. Помогли обаяние и напористость нашего командора.

Участок до селения Офир выбил из нас остатки способности воспринимать окружающий мир. Разжившись ещё 25 галлонами бензина, заночевали в паре километров от посёлка.

Выехав утром на развилку, долго обсуждали, куда ехать. Левая ветвь вела на юг, в сторону Тихого океана, правая – на север, к главной, прославленной Джеком Лондоном водной артерии Аляски – суровому и хмурому Юкону. И хотя первый вариант укорачивал путь, мы всё же выбрали второй: желание увидеть овеянный легендами Юкон пересилило здравый смысл. Дорога до реки пролегла по лесистому водоразделу. Тайга на Аляске хоть и угрюмая, но чрезвычайно богата зверьём. Мы то и дело видели табунки карибу, одиночных, уже комолых сохатых. Несмотря на надсадный рёв техники, животные подпускали к себе довольно близко. Освободят дорогу и встанут, спокойно ожидая, когда проедем.

Снег перед нашим караваном то и дело взрывали искристые султаны – это, оглушительно хлопая крыльями, вылетали из своих спален куропатки. Их на фоне снега практически не видно – оперение совершенно белое.

Чем ближе к полярному кругу, тем глубже снежный покров. Особенно глубок он в распадках и котловинах – надело ветрами. На водоразделе его заметно меньше. Наверное, поэтому по гребням увалов так много парнокопытных. Както, выворачивая из-за туполобого утёса, чуть не врезались в

лосиху. Увязая по брюхо в рассыпчатом снегу, она едва успела освободить дорогу. Тяжело дыша, повернула голову и посмотрела на нас с укоризной: мол, поосторожнее, ребята!

ПО ЮКОНУ

Село Руби, вытянувшееся по правому берегу реки Юкон, оказалось довольно большим и благоустроенным. Население смешанное. Преобладают алеуты и эскимосы (они по большей части полнотелы, медлительны), есть и индейцы атабаски и тлинкиты (эти худощавы, резковаты и менее дружелюбны, к тому же многие пьют).

Здесь наконец заправили под завязку и баки, и канистры. Мы, а в особенности водители снежных мустангов, были счастливы. Чтобы не искушать себя соблазном заночевать в тепле обустроенной «жилухи», Костя сразу поддал газу, и караван помчался по обрывистому берегу мимо занесённых снегом домов. Лагерь разбили у высокого скалистого мыса, обрамлённого остроконечными елями. Солнце скрылось как раз в тот момент, когда мы установили палатки. Но обугленный горизонт ещё долго тлел в огне заката.

Утром, благодаря хрустальной прозрачности воздуха, удалось обозреть с вершины лысого утёса расширяющуюся вдали на десятки километров пойму Юкона. По бокам и впереди, насколько доставал взор, волновался тёмно-зелёный, уходящий за горизонт ковёр, изрезанный извивами прито-

ков, стариц и густо испятнанный белыми кружочками озёр. По нему величаво и торжественно плыли рваные тени облаков. Я не смог удержаться от восторга и завопил: «Ого-го! Ого-го!» – но белое беспредельное пространство поглотило мой крик.

Следующий посёлок Галина приятно удивил городским лоском. Здесь живут преимущественно эскимосы. Рядом с берегом намыта взлётно-посадочная полоса, стоят три самолёта, неподалёку самый почитаемый нами объект – АЗС. До-заправившись бензином и прикупив хлеба, продолжили путь по накатанному мобайлами и санями снежному тракту.

Утром, благодаря хрустальной прозрачности воздуха, удалось обозреть с вершины мыса расширяющуюся вдаль на десятки километров пойму Юкона. По бокам и впереди, насколько доставал взор, волновался тёмно-зелёный, уходящий за горизонт ковёр, изрезанный извивами притоков, стариц и густо испятнанный белыми кружочками озёр. По нему величаво и торжественно плыли рваные тени облаков. Я не смог удержаться от восторга и завопил: «Ого-го! Ого-го!» – но белое беспредельное пространство поглотило мой крик.

Закованный в лёд Юкон, беспрестанно собирая притоки, продолжал раздаваться вширь. Горы отступили, их очертания смягчились. Там, где река прорезала очередную холмистую грядку, скалистые берега вздымались на 100–120 метров. С последней сглаженной цепи открылась унылая панорама: покрытая снегом пустыня, оживляемая одинокими ёлочками-монахинями, обнажёнными лиственницами, тонконогими берёзками. Все они какие-то сутулые и корявые. Растут, бедные, заваливаясь в разные стороны, с трудом удерживаясь корнями за мягкую, сейчас заиндедевевшую, моховую подушку. Но не будь этих отважных первопроходцев, некому было бы готовить почву для наступления высокоствольных лесов.

Снега всё глубже. Лоси уже еле ходят – проваливаются по грудь. Сделают несколько шагов и останавливаются, чтобы отдышаться.

К ТИХОМУ ОКЕАНУ

На сани взираю с ужасом и ненавистью одновременно – с ними ассоциируются боль и постоянное физическое напряжение: чуть расслабился на вираже или яме и летишь на плотно накатанный снег.

Сегодня добрались до «перекрёстка» – места соединения северной и южной веток тракта. Слившись, он покидает долину Юкона и устремляется напрямик к Тихому океану. Лес практически исчез. Если и встречается, то небольшими куртинками. Совершенно лысые, накрытые белыми холстинами, края кажутся безжизненными, но строчки и ямистые траншеи выдают присутствие зверей: зайцев, горных баранов, песцов, овцебыков. Есть даже сохатые. Правда, непонятно, чем они тут питаются.

От мороза и резкого ветра, сбивающего дыхание, из глаз постоянно текут слёзы. Они замерзают на усах, бороде, стягивают рот. меховая опушка капюшона, брови, ресницы сплошь в искристом куржаке.

Достигнув морского побережья и проехав вдоль него километров шестьдесят, встали на ночёвку. Не успели обустроиться, как при ясном небе на нас с гор обрушилась клубящимся валом пурга. Она как будто караулила нашу группу – нагрянула сразу, лишь только освободили от снега площадку и принялись разворачивать палатки.

Сильнейший ветер, сгоняя с отрогов густые замесы снега, на глазах заносил расчищенный для лагеря круг. Его напор был столь силён, что нам, дабы не упасть, приходилось держаться друг за друга.

Видя, что дело принимает чрезвычайный оборот, Константин дал команду строить ветрозащитную стенку. Вот где пригодились две складные лопаты! Николай с Алексеем нарезали из спрессованного снега плотные, увесистые кирпичи, а все остальные укладывали их друг на друга с навет-

ренной стороны. Снегоходы и сани поставили для ослабления натиска перед возведённой стеной. Но даже под такой защитой каждую палатку приходилось натягивать вчетвером – трепещущее полотнище вырывалось из рук, пляшущие на ветру дуги никак не хотели заходить в сетчатые проушины.

Ужин готовили внутри палатки, подпирая спинами рвущиеся от яростных порывов капроновые скаты. От заправленной бензином горелки вскоре стало трудно дышать. Приходилось периодически приоткрывать полог и запускать све-

жий воздух, сдобренный вихрями снега.

Разбушевавшийся буран то выл голодным волком, то поразбойничьи свистел, то стонал, как раненый медведь. Ночь тянулась бесконечно... В голове каждого крутились тревожные мысли, невольно проигрывались худшие варианты. Но к утру ветер выдохся, подутых. С трудом выбравшись наружу, принялись откапывать палатки – из снега торчали лишь оранжевые макушки. К счастью, обещанный сорокаградусный мороз миновал эти места. Наш метеоролог Николай Коваленко, ежедневно фиксируя всевозможные параметры портативной метеостанцией, ни разу не зафиксировал температуру ниже 32 градусов. Сегодня – минус 21. Сказывается близость океана. В континентальной части всегда значительно холодней. Ветер при порывах достигал 25 м/с, но всё же это не вчерашний, сбивающий с ног, ураган, хотя тоже продувал до костей.

Пронёсшаяся пурга покрыла тракт жёсткими полуметровыми гребнями. Скорость движения сильно упала, но, как только мы преодолели узкий просвет между двух хребтов, высота намётов пошла на убыль, а через километр они и вовсе исчезли. Дорога снова стала чистой, плотно укатанной.

Костя, вдохновлённый попутным ветром, гнал наш ревущий, стреляющий комьями снега табун по выстуженной пустыне с такой скоростью, что тела сидящих в санях окончательно утратили чувствительность, а изредка зарождающиеся в их головах мысли бесследно вылетали на первой же кол-

добине.

Сейчас, оживляя в памяти всю эту сумасшедшую эпопею и сопровождавшее её сверхъестественное напряжение, прихожу к парадоксальному выводу: именно в подобных «сюжетах» и заключена особая поэзия и романтика экспедиционной жизни. Дома, сидя в мягком уютном кресле, как раз о них чаще всего и вспоминаешь. Но уже с удовольствием и улыбкой.

ОТ НОМА ДО МЫСА ПРИНЦА УЭЛЬСКОГО

База первых золотоискателей – Ном – по северным меркам довольно большой посёлок. Своим появлением он обязан золотой лихорадке, охватившей Аляску, точнее – полуостров Сьюард³, в самом конце 19 века, когда в ручье Энвил-Крик шведы обнаружили несколько золотых самородков. За два года эта полоса арктической пустыни (ближайшее дерево находится в 120 км от города) ожила. Именно тогда число жителей было рекордным – 20 тысяч человек. Новое рождение, точнее сказать, возрождение последовало во времена Второй мировой войны, когда через Ном по ленд-лизу шла в Советский Союз военная техника, в основном само-

³ Полуостров был назван в честь Уильяма Генри Сьюарда, Государственного секретаря США. Именно он выкупил Аляску в 1867 году за 7,2 млн долларов. Что интересно, в то время эта сделка не встретила одобрения американцев, называвших эту территорию «Русской Моржовией».

лёты.

По уровню развития инфраструктуры (одних церквей – одиннадцать, заправочных станций – три), количеству домов Ном смело можно назвать городом. Тем более что численность населения в настоящее время перевалила за пять тысяч. Здесь даже есть свой памятник – собаке хаски. Возле центральной гостиницы стоит «Столб Мира». На нём указатели: «Лондон – 4376 миль», «Россия – 164 мили».

Тут нам сразу улыбнулась удача, или, как говорят старатели, подвалил фарт. Первый встреченный нами житель городка оказался эскимосом, сносно говорящим по-русски. Звали его Ила (почти Илья). Узнав, что мы совершаем кругосветное путешествие и завтра отправляемся на мыс Принца Уэльского, он стал уговаривать Костю переночевать в его доме – хоть и на полу, но в тепле. Ему очень хотелось пообщаться с русскими из загадочной России. Командор, видя, как загорелись надеждой наши глаза, смилостивился: отступил от железного правила ночевать только в палатках. Пока ехали к дому Илы, навстречу попались человек шесть. Почти все шли шатающейся походкой. Увидев нас, они выкрикивали какие-то непонятные приветствия. Мы вопросительно поглядели на Илу.

– Пьяные! Есть такая проблема, – покачал он головой. – Зато у нас нет преступности и вы можете спокойно спать с открытой дверью.

Войдя в дом, мы, к разочарованию любознательного эскимоса, не раздеваясь, повалились на расстеленные пенки – настолько вымотались. На прозвучавший через час клич дежурившего Кости: «Подъём! Ужин готов!» – никто, кроме Лёхи и хозяина, не отреагировал. Я, оказывается, до того был разбит немилосердной тряской в санях, что выделял носом рулады похлеще Ильи, а он уж известный в нашей команде храпун. Утром ребята долго потешались надо мной. Даже присвоили звание «Лучший храпун Аляски».

* * *

До посёлка Уэйлс добирались, несмотря на безупречно ровный накат вдоль всей трассы, почти двое суток. Илья так увлёкся соревнованием с командором в скорости, что, когда тосол в очередной раз закипел, не сразу заглушил двигатель, и в итоге его заклинило. Случилось это где-то на середине пути. Безуспешно провозившись до вечера на морозе и ветру, вынуждены были заночевать. Утром решили, что Костя отвезёт Лёху с Колей и всем грузом в Уэйлс и возвратится за нами. Пока завтракали, собирались, перекладывали груз в одни сани, со стороны Нома подъехал вездеход. Он вёз почту и продукты в Уэйлс. Заключение с водителем взаимовыгодную сделку: он подвозит нас до посёлка, а мы отдаём ему снегоход на запчасти. Затолкав неисправную машину и сани с грузом в кузов, я, Андрей и Лёха разместились на чём

пришлось там же. Костя с Колей поехали на исправном снегоходе за нами.

В кузове трясло меньше, чем в санях, и мы имели возможность полюбоваться северными пейзажами. Время от времени переводя взор на проём дороги, высматривали знаменитый мыс: именно у его подножия обосновался посёлок Уэйлс. Несколько раз ошибочно принимали за него выныривавшие отроги. Наконец показался седоватый горб, упёршийся в бескрайнее ледовое поле Берингова пролива. Первым разглядел его Андрей. Пересиливая грохот гусениц, он

прокричал: «Мыс! Ура, ура, мыс!» Лёха, глянув на GPS, кивнул: точно!

Самый западный населённый пункт Северной и Южной Америки встретил нас лаем собак и улыбками розовощёкой ребятни. В их карих глазах сквозило жадное любопытство. Удивило количество детей на дороге. Потом сообразили – детвора шла из школы.

Посёлок представлял собой одну улицу с тремя десятками одноэтажных строений, в которых проживает 156 эскимосов. Дома на метровых сваях. Стены, обращённые к Берингову проливу, заложены до крыши снежными блоками. Тут нет иных укрытий от стихий, кроме длинных и низких домов. Условия для жизни из-за сложной погодной обстановки здесь очень тяжёлые, но ни у кого и мысли нет покинуть этот голый, скалистый, открытый всем ветрам мыс. Живут эскимосы охотой на моржей, белых медведей, рыбалкой. В межсезонье ловят сетками, привязанными к концам длинных шестов, морских птиц прямо на лету. Алкоголь запрещён: эскимосы быстро привыкают к нему.

Вдоль улицы опоры ЛЭП – электричеством обеспечивается собственная дизельная электростанция. Туалетов нет – оправляются в плотные полиэтиленовые мешки, которые выносят к дороге, на мороз. Потом их собирают и увозят на вездеходе подальше от посёлка.

Из дома напротив вышли две женщины. Шагают, слегка раскачиваясь и весело чему-то смеясь. На ногах белые меховые унты, из-под отороченного капюшона выбиваются длинные, цвета воронова крыла волосы. Увидев нас, они замолкли и прошли, настороженно поглядывая. Эта перемена красноречивей слов свидетельствовала о том, что мало они ви-

дели от белых поступков, вызывающих уважение и доверие.

Когда мы прощались с водителем, к нам подбежал молодой эскимос и, повторяя одну и ту же фразу, стал тыкать в сторону единственного двухэтажного здания. Оказывается, хозяин этого внушительного строения американец Дэн (он здесь единственный белый – все остальные эскимосы, правда, утратившие язык предков) выкупил этот полуостров и теперь собирает с каждого приезжего дань – 100 долларов. Развивая свой экзотический бизнес-проект, землевладелец построил гостиницу и сдаёт одно койко-место за 100 долларов за ночь. Наше появление сулило Дэну хорошие барыши, но Костя, чтобы не платить, приказал разбить лагерь прямо на льду Берингова пролива, между заваленных снегом торосов. До захода солнца оставалось ещё часа два. Мы не удержались – полезли на самую высокую точку мыса Принца Уэльского: гранитного горба, являющегося частью доледникового сухопутного перешейка, соединяющего Аляску с Чукоткой, Северную Америку с Азией.

Залитый нежной позолотой заката оледеневший снежный покров, звонко похрустывая под ногами, с каждым шагом истончался. Ближе к макушке он вообще исчез – сдуло ветрами, иссушило солнцем. Каменные струпья покрывала лишь льдистая корка. Чтобы не упасть, последние метры шли, подерживая друг друга.

Вершина мыса отмечена туром, сложенным из угловатого плитняка, и торчащим из него небольшим крестом из двух дощечек – совсем уж скромно для столь знакового географического объекта. Как-никак – самая западная точка континента!

На нашем мысе Дежнёва – самой восточной точке евразийского материка – всё намного солидней: шестнадцатиметровая четырёхгранная башня с бронзовым бюстом Семёна Дежнёва и чугунной плитой: «Семён Иванович Дежнёв, 1605–1672», рядом лиственный крест.

Удивительно сходство названий посёлков, стоящих у подножья этих мысов: Уэлен у нас и Уэйлс у американцев. Можно сказать, родные братья. Ничего удивительного: Россия и Америка здесь близки друг к другу также, как Москва и Истра.

Неподалёку от неказистого тура чернели иглообразные останцы, обрамлённые грудой камней. Согбенные временем и ветрами, «костлявые» скалы напоминали одряхлевших старцев. Неслучайно эскимосы называют их «Три старухи». Со стороны пролива они покрыты красиво сверкающей в лучах солнца ледяной глазурью. В одном кармашке между обломков одиноко торчит чудом уцелевшая, изувеченная стужей лиственница.

Закатный свет, разливаясь по западной части небесного свода, попутно окрашивал пурпуром торосистые льды Берингова пролива, возвышающиеся над ними американский остров Малый Диомид (самая западная точка Северной Америки) и российский Большой Диомид (самая восточная точка Азии). Их разделяет узкий пролив шириной 1200 метров, по которому, кроме государственной границы, проходит линия перемены даты. Чуть дальше проступает сквозь сине-

ватую дымку мыс Дежнёва. (Редкий случай – ширина пролива 86 км!) Воздух заполняли мельчайшие кристаллики льда. Они летали, кружились, вспыхивая розовыми блёстками в прощальных лучах завершившего трудовую вахту светила. И такая тишина царила вокруг, что казалось, слышно, как перешёптываются между собой окаменевшие «старухи».

Как ни хотелось подольше насладиться покоем и скуными, хрупкими красотами севера, подступающие сумерки и усиливающийся мороз побуждали к спуску. Но прежде следовало установить флаги России и РГО на столь знаковой точке. Увлёкшись этим ответственным делом, мы не сразу заметили, что из-за гряды скал за нами внимательно наблюдают заросшие шерстью, свисавшей густыми космами до самой земли, овцебыки. Их угрожающие позы и угрюмое выражение морд красноречиво свидетельствовали о нежелательности нашего присутствия на принадлежащей им территории. Благоразумно обойдя стадо стороной, мы поспешили в лагерь.

Вот и тучи на горизонте почернели, лишь нижний край над Чукоткой охвачен закатным пожаром: хотя солнце скрылось, они, подсвеченные снизу, всё ещё горят оранжевой ленточкой. Сглаженные зубцы российских берегов, за которыми скрылось солнце, обуглились.

Перед сном вышли полюбоваться уже ночной панорамой – когда ещё побываешь на этом краешке земли! На чёрном небосводе густо мерцали ярко начищенные звёзды. Медо-

вая, растущая луна, поскитавшись между ними, убежала за горизонт догонять подружку. Сразу стало темно – хоть глаз выколи. Зато из открывшихся тайников высыпала уйма новых звёзд. Следом по искристому бархату пробежал бледный сноп света, и почти сразу заиграли зеленовато-сиреневые сполохи, похожие на складки гигантского занавеса, покачиваемого ветром. Его извивы то сходились, то расходились, разгораясь всё ярче и ярче. Эти волнообразные колебания сопровождались идущими из неведомых глубин шорохами и свистом переменной тональности. Когда сполохи охватили половину свода, они внезапно погасли, и небо вновь стало угольно-искристым, но через непродолжительную паузу опять радужно заиграло причудливо закрученными лентами и выющимися языками холодного пламени. Илья стоял, покачиваясь, словно дирижёр, взмахивая руками им.

Не успели мы налюбоваться этой феерией, как небо погасло. Через минутку, на этот раз совсем ненадолго, оно озарилось бьющими из тьмы серебристыми зарницами и потухло. Но мы ещё долго стояли среди наступившего безмолвия под впечатлением незабываемого представления, имя которому северное сияние. Что интересно, Илья всё это время покачивался, устремив отрешённый взгляд в неведомую, колдовскую глубь Вселенной. Когда сияние погасло, он воскликнул:

– Какая чарующая мелодия!

Много лет проживший на Севере, Костя пояснил:

– Похоже, наш Илья наделён сверхчувствительностью –

слышит «песню» северного сияния. Ненцы называют её «зовом предков». На такой сверхчувствительности, кстати, основан и шаманизм – во время камлания от издаваемых бубном низких, басовитых звуков у человека возникает неосознанное стремление повиноваться. Я это на себе испытал в чукотском стойбище. Необычное, надо сказать, состояние.

ВНОВЬ АНКориДЖ

В Анкоридж вернулись на самолёте. Путь, который на снегоходах героически преодолевали шесть дней, на самолёте занял меньше двух часов. Чтобы не тратиться на гостиницу, вновь воспользовались гостеприимством наших соотечественников. У Ильи Иванова поселились Костя, Алексей, Николай и наш Илья. А у обладателя редкой фамилии Кердей, прекрасного баяниста, бесконечно щедрого человека – дяди Димы – мы с Андреем.

Сегодня, 6 марта, с заснеженного озера Уиллоу тридцать девятый раз стартуют знаменитые собачьи гонки «Айдитарод Трэйл». Они считаются самыми экстремальными и протяжёнными в мире. Поскольку Костя с ребятами заняты поиском машины (я в этом деле не помощник: в автомобиле знаю лишь руль и две педали), командор разрешил мне поехать с Виктором посмотреть это экзотическое представление.

Уже за два километра до озера вся обочина дороги и все

стоянки забиты автомобилями. Пока искали, где притулиться, и продирались сквозь толпу на лёд, первые упряжки уже стартовали. Их выпускали с интервалом в 3–5 минут. В каждой упряжке по 12–14 собак. В основном голубоглазые хаски, но были и неказистые дворняги. (Хаски, благодаря густому, пушистому меху и невероятной выносливости, в большой цене на Аляске.) Запряжены собаки в сани-нарты парами.

В Европе обычно запрягают три, максимум четыре пары, а здесь из-за протяжённости маршрута их в два раза больше:

иначе собаки не выдержат двухнедельную гонку до Нома. По обе стороны дороги за сетчатым ограждением тысячи зрителей, большинство с детьми. Подбадривают, кричат. Всем весело. Много телекамер. Судя по бейджикам, кроме местных, телевизионщики из Японии, Норвегии и даже Новой Зеландии. А фотоаппараты у каждого второго зрителя. Вокруг на белоснежной глади озера палатки, вигвамы, рядом столики с термосами, раскладные стульчики, снегоходы.

Как только звучит в динамике команда «Старт!», погонщик поднимает воткнутый в снег остол (тормоз) с железным наконечником и собаки с неистовым лаем уносятся вслед предыдущей упряжке. Некоторые, правда, поначалу бегут с ленцой, без азарта, но, размявшись и войдя во вкус, начинают слаженно наращивать темп. Всего при нас стартовало 32 упряжки. Бежать им до Нома кому полторы, а кому две недели! Да и не все добегут! Среди гонщиков, одетых в арктические куртки на меху, разглядел несколько женщин. Одна совсем молоденькая, с толстыми русыми косами и до того красивая, что мелькнула мысль: «Не из русских ли?»

Обратно сорок километров до Василлы ползли три часа! Все автомобили послушно выстроились друг за другом в одну многокилометровую колонну, хотя ширина дороги позволяла ехать в два ряда в обоих направлениях. Но нет – никто никого не обгоняет. Не творческие всё же люди американцы! Когда уже въехали в город и пробка рассосалась по улицам, нас тормознул пристроившийся сзади и долго сидевший

на хвосте полицейский. Ему показалось, что мы превысили скорость, но Виктор твёрдо и уверенно стоял на своём: «Я ничего не нарушал, ехал чётко в соответствии с требованиями знаков». Поскольку у полицейского не было радара, подтверждавшего обвинение, ему пришлось отпустить нас.

Ульяна Фонова и Епифан Реутов в прошлом году на олимпиаде по русскому языку в США были отмечены золотой и серебряной медалями.

10 марта при активном содействии Ильи Иванова удачно, всего за 2000 долларов, купили у наркомана семиместный заднеприводный автомобиль «Сафари», выпущенный компанией «Дженерал Моторс» в 1997 году. Ребята из автосервиса провели ревизию и определили, какие запчасти потребуются для восстановительного ремонта. Они же взялись доставить их за сутки.

Чтобы сэкономить финансы, ремонт решено было делать своими силами в любезно предоставленном Ильёй Ивано-

вым тёплом гараже. Поскольку драндулету уже 14 лет, гайки проржавели и прикипели так, что ребятам то и дело приходилось прибегать к помощи зубила и кувалды. Я, чтобы не мешаться, ещё с вечера сговорился с Сергеем Натёкиным ехать на поиски староверской деревни Берёзово, затаившейся в тайге вдали от основных дорог. Мне очень хотелось посмотреть, как живут на Аляске последователи огнепального протопопа Аввакума, хранящие на чужбине верность не только древнему православию, но и русской культуре.

Где находится их поселение, Сергей знал приблизительно, и мы долго безуспешно плутили по глухим просёлкам. И проплутили бы ещё, не заметь на лесной дороге бабуся в белом платке, рассекавшую на тойота РАВ-4 свежевыпавший снег. Коль в платке – стало быть, староверка, решил я. Дабы не смущать женщину, дождался, когда машина скроется за деревьями, и поехали, придерживаясь рассыпчатой колеи.

Через полчаса, миновав буреломный лес, увидели среди атласных берёз строения. У въезда в деревушку стояло длинное здание с табличкой на русском: «Школа». Тут же у крыльца стоял и РАВ-4. Осторожно постучали в дверь. Открыла та самая «бабуся» в длиннополой юбке с множеством оборок. И вовсе не бабуся оказывается, а молодая, улыбчивая женщина – местная учительница Антонида. Узнав, что я из России, обрадовалась, пригласила нас в кабинет. Усадив за отдельный столик, достала разовые бумажные стаканчики, налила брусничного морсу, нарезала ломти свежееспе-

чѐнного, с хрустящей корочкой, хлеба:

– Отведайте нашего кушанья! Токмо испечѐн.

Мы из вежливости пытались отказаться, но Антонида мягко настаивала:

– Что ж вы такие стеснительные. Откушайте, а то я плохо думать буду!

На вкус хлеб отличался от привычного нам. Заметив наше удивление, она с улыбкой пояснила:

– Я в опару молотый перец добавляю.

Когда мы собрали со стола в ладошку даже крошки, Антонида провела нас в класс, общий для всех двадцати двух учеников. Вторая учительница, постарше, как раз что-то объясняла им.

Большинство детей с чисто славянской внешностью: русоволосые, со смышлѐными, живыми, серо-голубыми глазами. У всех старинные имена: Дарья, Нил, Лукьян, Проккоп. Каждый сидит за отдельным столом, отгороженным от соседних невысокими перегородками. Учебная программа построена так, что с первого класса прививаются навыки самостоятельной работы. Учитель подключается, лишь когда ребѐнку что-то непонятно. Физику, химию дают поверхностно. Основной упор делается на математику, геометрию, историю, литературу, русский, правоведение. Уровень получаемых знаний у детей высок, например, Ульяна Фонова и Епифан Реутов в прошлом году на олимпиаде по русскому языку в США были отмечены золотой и серебряной медалями. В этой школе,

наряду с обычными каникулами, не учатся ещё семь дней на Пасху.

Чтобы не отвлекать детей, я попросил учительницу познакомиться меня с кем-нибудь из знатоков истории общины. Антонида вздохнула: «Ноне все мужики в море» – и предложила пообщаться с дедом Ермилом, единственным из глав семейств, кто сейчас дома.

– У нас нельзя чужим в избу, ежели хозяин в отлучке. А он радый будет. Оба сына, что с ним живут, в море. Сноха с бабой Марфой к внучке поутру уехали.

К дому Ермила шли по натопанной снежной тропке, выющейся между стоящих вразброд среди леса аккуратных домов. Деревня оказалась небольшой – девять, как сказала Антонида, «дымов». Вид изб несколько озадачил – построены не из брёвен, а из дощаных щитов, между которых проложена теплоизоляция. Во дворах образцовый порядок, почти во всех по три-четыре пуховые козы: для молока и пряжи.

Дед Ермил сидел в сенях на оленьей шкуре и, склонив посеребрённую голову с окладистой бородой, тесал из берёзовой заготовки топориче. Природа, похоже, кроила его по особому заказу: крупная, несколько тяжеловатая медвежья фигура, покатые плечи, узловатые пальцы натруженных рук.

– Здравствуй, радость моя, – сипло пробасил он учительнице.

На меня же, худосочного очкарика, только настороженно покосился. Антонида низко поклонилась и пояснила цель

визита. Узнав, что я писатель, участник российской кругосветной экспедиции, да ещё автор двух романов о старовеках, удостоенных нескольких всероссийских премий, и собираю материал для третьего, старик заметно помягчел. Испытующий взор стал доброжелательным. Он, не торопясь, снял фартук, разгладил сивую, похожую на лопату бороду и пригласил в дом. Сам прошёл вперёд твёрдым, во всю ступню, шагом.

Как известно, технология добычи золота основана на свойстве драгоценных крупинок, вымываемых речными струями из горных пород, «погружаться», благодаря высокому удельному весу (золото в 19 раз тяжелее воды), сквозь рыхлый песок до непроницаемой «кровати» – плотной глины и образовывать на ней с течением времени залежи. Задача старателя – найти такое место, а затем, черная песчано-гравийную смесь, промывать её в лотке (или с помощью плавающей на воде драги⁴) до тех пор, пока на его рифлёном дне не останутся одни мерцающие крупинки золота, а если повезёт – и самородки.

Здесь уже чувствовался русский дух: три стены чисто выскоблены, глухая разрисована охрой – пышные цветы на фоне затейливого орнамента; неокрашенный, плотно сбитый пол отёрт песком добела, на нём тканые дорожки; в углу над

⁴ Драга – плавающая на воде платформа с мотопомпой. Засасываемая ею взвесь из песка и гальки прогоняется через ребристый лоток, в котором тяжёлое золото оседает.

столом божница, заставленная иконами, рядом, на деревянном гвозде, лестовки⁵. У окна ткацкий станок, прялка, тут же в берестяном коробе клубки пряжи.

Пока я оглядывал внутреннее убранство, дед Ермил надел за перегородкой белую рубаху, расшитую по краю красными нитками, затянул поясок с кистями и приставил самовар к трубе, выведенной в печной дымоход. Вскоре мы, прихлёбывая заваренный из толчёных плодов шиповника чай (мне, как я успел заметить, хозяин достал отдельно стоящую гостевую кружку), беседовали об их житье-бытье на Аляске.

– Ну, коль имеешь интерес, слушай. В этих краях мы недавно, с 83 года. Наши корни, вообще-то, в Тамбовской губернии, но как послабление вышло, так вся обчина на Дальний Восток перебралась – землю щедро давали, до ста десятин⁶ на семью. Мой дед со всей оравой под Владивостоком надел получил. При большевиках им пришлось всё бросить и в Китай податься. Там я и родился.

– Фантастика! Я ж, дядя Ермил, тоже в тех краях 20 лет прожил. А вы не помните, из какой деревни ваши?

– Вот это да тебе! Антонида, гляди-кась, гость-то земляк почти!

– Поистине пути Господни неисповедимы!

⁵ Лестовка – сохранившийся в обиходе старообрядцев тип чёток. Представляет собой плетёную кожаную ленту. Знаменует одновременно и листовицу (лестницу) духовного восхождения на небо, и замкнутый круг, образ вечной, непрестанной молитвы.

⁶ Десятина – 1,0925 гектара.

– Из Смирновки, недалече от Раздольного. Слыхал?

– Про Смирновку не слышал, а вот в Раздольном бывал.

Мой однокурсник оттуда – ездили к его родителям в гости... А на Аляске-то как оказались?

– Ну, слушай дале. Из Китая перебрались сперва в Бразилию, опосля в Николаевск – то в штате Орегон. Там много брата с нашего стада и поныне, да простору в нём маловато. Засим сюда и уехали – здесь, на воле, жизнь в радость. Жительствуем по большей части рыбалкой. Промышляем в море-окияне за 150–200 вёрст отсель. Я, правда, уж не ходок – ноги подводят. Вот столярничаю, пимы из руна, кому потребно, катаю. За выход робята сетями до 600 пудов берут – то, пока море не встанет. А ежели мороз вдарит так, что море льдом покроет, на перемёт начнут. Наживку – на крючья, а лесу сквозь лунки тянут. Рыба, слава Богу, кормит, но всё тяжельче. Сам посуди: цена на горючку за 10 годов выросла с доллара до четырёх, одначе на рыбу без перемен. А ещё за промысловую лицензию заплати, катер и каждого, кто в море ходит, страхуй. В остатке – токмо на хлеб. Но Господь милостив, покуда без скудобы обретаемся.

– Ну что вы, деданя, всё про мужиков. Гость ещё подумает, что бабоньки без дела сидят, – встряла Антонида.

– Так и расскажи. Я, что ль, против?

– Да вы уж сами. Мне к детишкам пора.

Антонида встала, поклонилась и вышла.

– Что правда, то правда, домовитые оне у нас. – Опять

заговорил дед после того, как за учительницей закрылась дверь. – Ткут полотна, холстины, сучат пряжу, шьют и вяжут токмо оне. И чадородьем не обижены. Вот у меня три сына, две дщери. Ело готовят тоже оне. Трапезничаем токмо своим. Потому все крепкие, здоровые. Лишь сахар, соль, муку берём у одноверца в лавке. В Василле есть такая. Она чистая. Да и туды мало ездим. Люд-то ноне в городе дичает. Иные просто в безумство впали. Не ведают, что творят! Поганят рот срамословием, табачным зельем. Блуд, как ржа, их души разъедает. Господи, упаси от сих бесовских искушений. Эх, слабнет народ... Знамо, идти вниз легче, чем наверх к Господу. Мы не курим, бражничаем токмо по великим праздникам. Брагу ставим на берёзовом соку. Одеваем всенепременно вот такие рубахи навывпуск с косым воротом и с пояском.

Дед Ермил, в подтверждение своих слов, встал на некоторое время во весь рост.

– Бород не бреем: Христос же с бородой!.. Бабы ходят в сарафанах, запонах. Замужние в платках, чтоб волос не казать. Девицы с косами и непокрытой головой. Американцы нас уважают за трудолюбие и честность. Но мы чужаков – людей не отеческой веры – в свою обчину не допускаем.

– А если человек не вашей веры, но добрый христианин, он, что, не может посвататься?

– Отчего же нет. Может, но прежде должен пройти обряд переправы, и ежели есть серьёзные намерения, испытуем три года по всей строгости. А до того молодые просто «дружат»,

как мы говорим – «играют».

– Я, пока шёл к вам, церкви что-то не видел.

– Оно и неудивительно. Наша церква в сосняке, отсюда не видать. Мы, мужики, ходим в неё каждый день, женский пол токмо по седмицам. Тогда воссоединяемся в общей молитве и молимся с двух часов ночи до восьми-девяти утра, куда все шесть слав не прочтём.

Ночная-то молитва доступнее Богу. По правде сказать, часть канонов первоисточного православия размылась временем, но основу блюдём крепко, без перемен. С этим у нас строго.

Тут дед замолчал.

– Дядя Ермил, может, ещё что расскажете? – обратился я с надеждой.

– Погодь, – промычал он сквозь зубы. – Чтой-то колено опять ломит, мочи нет... Тепла, видать, недостаёт. Вот ведь оно, паря, студёно море как откликается...

Старик встал, прихрамывая, подошёл к большой белёной печи, отодвинул заслонку. Набил чрево берёзовыми поленьями, подсунул завиток бересты и запалил огонь.

Вернувшись на место, продолжил свою неторопливую, обстоятельную речь, иногда всё же морщась от боли.

Из нашей дальнейшей беседы я с удивлением узнал, что старательство на Аляске живо и им по-прежнему занимаются тысячи людей, но в их общине этот промысел не прижился. Как признался дед: «Пытал и я фарт, однакось бросил –

понял, угарное то дело. Пьяным становишься. А вот в соседствующей с нами деревне баптистов половина мужиков каждый год с июня по август с лотками по ручьям шатается – золотарят».

Оказывается, золотиносные земли, а это широкая полоса, охватывающая долину и притоки Юкона, разбиты на участки площадью 40 акров (16 га) и любой американец, решивший испытать судьбу, может, заплатив 250 долларов, взять такой участок в аренду и мыть золото. На нём разрешается даже ставить лёгкие постройки, но по окончании договора старатель обязан вернуть его в исходном виде (отвалы по берегам выровнять, постройки убрать, лес, срубленный для хозяйственных нужд, восстановить посадкой саженцев).

Берёзовский старец, видя, с каким интересом я слушаю и заносу в блокнот его сказы, настолько воодушевился, что поведал мне об одном, малоизвестном, способе добычи: «Опосля паводка, токмо спадёт и посветлеет вода, ходи по речке в броднях с трубой. Труба та не простая – с одного конца закрыта стеклом. Держишь тот конец в воде и высматриваешь жёлтые блёстки, а как узрешь, не зевай – гребь ковшом. В уловистом месте случается достать с четверть фунта⁷ шлихового золота. Иной раз и самородки попадаются – невеликие, с ноготь. Главное – на верное место выйти. Самые уловистые обычно в затишке у водоворотов. Однакось сей способ годится токмо с неделю – покуда рыжуха в пе-

⁷ Фунт (старорусская мера веса) – примерно 410 граммов.

сок не ушла. Ещё одна верная наводка на золото – чёрно-жёлтый, искристый песок, его пиритом кличут. Коль увидишь, не сумлевайся – рыжуха рядом».

Ещё от деда я узнал, что старательский сезон на Аляске скоротечен – три месяца. За это время лоточник в среднем намывает на 25 тысяч долларов (это приблизительно 3/4 килограмма золота). Работа каторжная: впроголодь, в ледяной воде, в окружении беспощадных туч гнуса, обычно с ночёвками в тесной палатке, но увлечённых, вернее сказать, больных этим занятием на Аляске, как и 100 лет назад, тысячи.

Чтобы вы, уважаемый читатель, могли оценить, сколь образны и мудры услышанные мной высказывания старца, позволю себе привести ещё несколько его дословно записанных суждений: «В семье не должно быть ”Я”. Должно быть “Мы”»; «Живём, а не видим, что солнце светит»; «Наг родился, наг уйдёшь»; «Господь любит всех»; «Стыденье – главная девичья краса»; «Чем больше радеешь, тем ближе к Богу»...

Заметив, что старик заговорил медленнее, с остановками, я понял, что пора завершать беседу. Тем более что Сергей уже жаждался меня. Прежде чем проститься, достал из сумки дилогию о старовеерах «Золото Алдана», подписал её и вручил деду. Прочитав аннотацию к книге, тот подивился:

– Как так? Татарин, а об нас написал!

– Жизнь подвигла к этой теме. Ваши одноверцы в 1971 году на Сихотэ-Алине спасли меня с другом с Юрой Сотни-

ковым от голодной смерти. Даже пожив у них всего три дня, я понял, насколько искажено в миру представление о старообрядцах. Потом судьба подарила ещё несколько встреч с вашим братом. Многовековая преданность отеческим идеалам, трудолюбие, сметливость, терпение, позволяющие жить в достатке даже на бесплодных землях, не могли не вызвать искреннего восхищения. Со временем вызрело желание поделиться своими наблюдениями и мыслями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.